

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ИрГТУ

Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр.: в 2 т. / гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – 332 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основании материалов исследователей - участников XX международного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Иркутск, 26-30 мая 2013 г.). Симпозиум был посвящен 200-летию со дня рождения М.А. Кастрена и 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева.

В сборнике представлены работы ученых: археологов, этнологов, антропологов, экологов и других специалистов из Азии, Европы, Северной и Центральной Америки. Статьи посвящены изучению проблем интеграции археологических и этнографических исследований по следующему кругу проблем: «Этноархеологические исследования: теория, методика, историография, источники», «Археология окружающей среды: человек, животные, окружающий ландшафт; влияние человека, животных на окружающий ландшафт, приспособление к нему», «Взаимодействие человека и животных по данным археологии и этнографии», «Сакральные территории по данным археологии и этнографии», «Мир инобытия: мировоззрение и практики древних и традиционных обществ по данным археологии, этнографии и смежных наук», «Исторические реконструкции по данным археологии и этнографии».

Книга рассчитана на специалистов в области археологии, этнологии, этноархеологии, истории, культурологии и других наук.

These conference proceedings were assembled from the original scientific papers of the participants of the 20th international symposium «Integrating archaeological and ethnographic research», which took place in Irkutsk on May 26-30, 2013. The symposium was devoted to the 200th anniversary of the birth of M.A. Kastren and to the 85th anniversary of the birth of R.G. Kuzeev.

The proceedings collect the work of: archaeologists, ethnologists, anthropologists, ecologists and other experts from Asia, Europe, North and Central America. It is devoted to studying the problems of how to integrate archaeological and ethnographic research. The following themes are addressed: “Ethnoarchaeological researches: theory, technique, historiography, and sources”, “Environmental archaeology: (humans, animals, the surrounding landscape; the influence of people and animals on the surrounding landscape, their adaptation to it)”, “Biosociality: New conceptions of human and or animal agency as documented by archaeological and ethnographic research”, “Sacred Landscapes: Sacred territories as documented by archaeological and ethnographic research”, “Alternative Worlds and Worldviews (инобытия): The Worldview and practices of ancient and traditional societies as documented by archeologists, ethnographers and interdisciplinary researchers”, “Historical reconstruction by archeological and ethnographic research”.

The book will be of interest to experts in the field of archeology, ethnology, ethnoarchaeology, history, cultural science and other sciences.

Рецензенты: канд. ист. наук **Н.А. Савельев**, Иркутск;
канд. ист. наук **Б.А. Конилов**, Омск

Редакционная коллегия: Д. Дж. Андерсон (отв. ред.); канд. ист. наук М.А. Корусенко (отв. ред.); академик, д-р. ист. наук В.И. Молодин; канд. ист. наук А.В. Тетенькин; канд. ист. наук М.Н. Тихомирова; канд. ист. наук С.С. Тихонов (отв. ред.); д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.); д-р ист. наук А.В. Харинский (отв. ред.); Н.С. Баранова (уч. секретарь)

Симпозиум проходил при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 13-06-06-045

Подготовлено к печати Л.Н. Кургузовой

Печатается с файлов, предоставленных авторами

Подписано в печать 22.04.2013. Формат 60 x 90 / 8. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 42,0. Тираж 220 экз. Зак. 55. Поз. плана 24.

Лицензия ИД № 06506 от 26.12.2001

Иркутский государственный технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

ISBN 978-58038-0835-0 (т. 1)
ISBN 978-5-8038-0834-3

© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2013
© Иркутский государственный
технический университет, 2013

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. - Томск, 1974. - Вып.12. - 196 с.

Михайлов Ю.И. К проблеме исследования коммуникативной символики каменных стел и изваяний в контексте палеосоциологического анализа комплексов эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Наука, 2001а. - Т.VII. - С. 334-341.

Михайлов Ю.И. Коллективные погребения и идеологические аспекты погребальной обрядности населения ирменской культуры // Краеведение Сибири: История и современные проблемы. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. - С. 12-15.

Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001б. - 363 с.

Сидоров Е.А. Некоторые самодийские параллели в ирменском погребальном обряде // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. - Омск, 1983. - С. 17-19.

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. - Новосибирск: Наука, 1986. - С. 54-66.

Теплоухов С.В. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. - Л., 1929. - Т. 4. - Вып. 2. - С. 41-61.

Чиндина Л.А. Молчановский могильник «Релка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. - Томск: Изд. Томского пединститута, 1969. - С. 183-184.

Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа //КСИА. - М., 1981. - № 167. - С. 100-108.

Шамшин, А.Б., Гальченко А.В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории республики Алтай. - Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. - С. 90-117.

Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). - Екатеринбург: УРО РАН. - 1993. - 38 с.

Е.В. Ковычев, А.А. Номоконов

Россия, Чита, Забайкальский государственный университет

МОГИЛЬНИК УНДУГУН: ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Abstract

The articles presents inventories of items from the Medieval burial Undugun which defines the culture of the forest-steppe tribes of Zabaikal'e. According to the author of the article, these inventories were used later to define the identities who came later to the region - «horse-riding evenks» and Eastern Buryats, - possible descendants of the Merkit tribes, defeated in the early XIII century.

Средневековый могильник Ундугун, включавший в свой состав 18 погребений, был открыт И.И. Кирилловым и Е.В.Ковычевым в 1974 г. Тогда же были раскопаны девять погребений и на основе полученных материалов выделена новая археологическая культура - ундугунская, датированная XII-XV вв. - временем господства в Забайкалье древних монголов. В 2001 году памятник был повторно осмотрен Е.В. Ковычевым и выяснилось, что большая часть площади могильника разрушена загоном для скота и проведенной вокруг него противопожарной опашкой.

Четыре сохранившихся погребения, в тот же год, были исследованы Е.В. Ковычевым. Ниже мы представляем обобщенную характеристику всех раскопанных погребений и материалов из них.

Могильник Ундугун располагается на северном берегу озера Ундугун, в 12 км к северо-западу от с.Беклемишево, Читинского района Забайкальского края. Общая площадь его около 1300 м². Он занимает высокую прибрежную террасу одного из склонов горы, выходящих к озеру. Высота террасы, на которой расположен могильник, равна 10 - 12 м.

На поверхности погребения были выражены каменными уплощенными выкладками овальной (7 погр.), округлой (4 погр.) и вытянуто-овальной (2 погр.) формы. Некоторые выкладки (погр. №№ 6, 8, 10, 13) имели в центре свободные от камней пространства, что придавало им кольцевидную форму. Они состояли из мелких, средних и крупных по размерам камней, уложенных, в один слой. При этом в трех случаях камни выкладок были уложены плотно по отношению друг к другу; в пяти случаях выкладки были разряжены; и в пяти случаях разряжены наполовину. Могильные ямы имели подпрямоугольную форму, с округленными краями и достигали глубины 60 - 125 см. В семи случаях они были вытянуты по линии ССВ-ЮЮЗ (погр. №№ 1-5, 9 и 10); в пяти по линии С-Ю (погр. №№ 6-8, 11 и 12); и только в одном случае по линии СВ-ЮЗ (погр. № 13). Во всех погребениях, в заполнении могильных ям встречались древесные угольки - остатки поминальных очажков.

Внутримогильные конструкции представлены лиственничными колодами, как правило, простой формы (погр. №№ 2-4, 6, 8-11); но были колоды, напоминающие внешне лодки-долбленки (погр. №№ 1, 5, 7 и 13). В погребение № 12 умерший был похоронен прямо в земле. По погребению №11 можно видеть, что колоды изготавливались из толстых лиственничных бревен, диаметром не менее 120 см, расколотых повдоль (размер колоды 60x260 см). Борта ее были дополнительно подработаны и имели почти прямые стенки, с округлением в нижней части. Дно колоды было уплощено. Глубина ее во внутренней части - 26-27см; толщина стенок и дна 4см. Концы колоды были округлены и имели утолщение до 25-27см, причем в нижней (южной) части, имелся фигурный вырез с обеих сторон, сделанный под прямым углом.

Размеры колод варьировали в пределах от 35x200 до 60x260 см. Колоды-лодки также изготавливались из половины ствола дерева. В погребении № 7 была найдена колода-лодка, длина которой составляла 235 см, а ширина 38-40 см. Она имела расширенную «корму» овальной формы, с коротким обрубленным выступом; чуть сужающиеся к носу невысокие борта (высота во внутренней части 30-35 см) и приостренный, задранный кверху нос. В носовой части изнутри, была выдолблена глубокая ниша (не менее 30 см). Поэтому, данная часть колоды напоминала нос современной байдарки, с внутренним отсеком и приострением к концу. Размеры других колод-лодок колебались в пределах от 30x185 до 40x255 см. На некоторых колодах и колодах-лодках фиксировались следы обжига, что, вероятно, свидетельствовало о способе их изготовления. Внутренняя поверхность таких колод, скорее всего, подвергалась не только обработке теслом или стругом, но и выжигалась, - особенно в местах расположения сучков (Кириллов, 1983: 125).

Анатомическое положение костяков в большинстве погребений было нарушено. Некоторые скелеты, очевидно, были смещены со своего первоначального места грабителями. Не правильную анатомию других, можно объяснить особенностями погребального обряда, который предусматривал вторичные захоронения. Свидетельством этому могут служить кости, на которых зафиксированы следы зубов хищных животных, сделанные до их помещения в могилу. В погребении № 7 костяк

отсутствовал полностью: погребение, скорее всего, являлось кенотафом. В хорошем состоянии оказался только костяк в погребении № 3. Умерший был похоронен на спине, в вытянутом положении; кисти рук помещены на таз, а ноги сведены в коленях. Головой он был ориентирован на ССВ, при этом лицевая часть обращена на запад. В погребении № 13 умерший также был погребен на спине в вытянутом положении, ноги были сведены в коленях, а кисти рук зафиксированы на тазовых костях. Такое положение ног, скорее всего, свидетельствовало о том, что они были связаны перед помещением тела в могилу. Подобный случай был зафиксирован нами в 2006 г. на могильнике Новотроицк-III, в погребении № 7, где ноги погребенного также были сведены в коленях (Ковычев и др., 2012: 372). Зато в погребении № 6 умерший располагался на спине с вытянутыми ногами, но положение кистей рук было нарушено, а голова отсутствовала вовсе (как и в погребении № 1). В погребении № 5, наоборот, - от умершего сохранился только раздавленный череп, выше которого располагались шесть небольших камней, заполнявших внутреннее пространство колоды-лодки.

В шести случаях в погребениях зафиксированы стоящие в вертикальном положении жертвенные берцовые кости молодых овец или коз (до 1,5 лет). Исследователи считают, что они использовались не только в качестве жертвенной пищи для умерших, но и служили посмертным вместилищем души покойного и местом концентрации его жизненной силы («сулдэ»). В погребениях №№ 1, 3 и 6 жертвенные кости располагались с правой стороны от умершего, в центральной части колоды, но за ее пределами. При этом, во всех трех погребениях они находились в берестяных тусках. Это свидетельствовало, видимо, о помещении в могилу не только стегна ноги животного, но и отвара мясного бульона. В погребениях №№ 4 и 9 жертвенные кости располагались также за пределами колоды, но уже с левой стороны. И только в погребении № 7 жертвенная кость была обнаружена в северной части колоды-лодки. Основные данные по погребальному обряду приведены нами в таблице №1.

Погребальный инвентарь могильника представлен изделиями из железа, бронзы и кости. При этом функциональное назначение находок разнообразно. Традиционно их можно поделить на четыре большие группы: предметы вооружения и охоты, принадлежности снаряжения коня, предметы быта и украшения.

К предметам вооружения и охоты относятся луки, наконечники стрел и колчаны. К сожалению, фрагменты накладок на сложносоставной лук зафиксированы только в погребении № 10. И.И.Кириллов предполагал, поэтому, что ундугунские луки конструктивно были близки лукам «тунгусского типа», которые обычно готовились из двух пластин ели и березы или лиственницы и кедра, а потому не сохранились в погребениях (1983: 126). Количество наконечников стрел в погребениях было разным и колебалось от четырех до девяти. Всего обнаружено 45 наконечников стрел, из которых 20 железных, а 25 костяных. Все они различаются по форме и сечению пера и имеют разное функциональное назначение. Среди них имеются черешковые и втульчатые, которые по сечению пера можно разделить на плоские, линзовидные ромбические и четырехгранные, а по форме пера - на ассиметрично-ромбические, листовидные, пламевидные и трапециевидные. Железные наконечники имеют костяные свистунки, размерами от 2,8 до 6,1 см, с четырьмя подтреугольными отверстиями. Один из втульчатых наконечников относится к типу комбинированных. У него удлиненное (6,3 см) перо, грани которого плавно переходят в свистунку, имеющую четыре подтреугольных отверстия и вставленный вовнутрь плоский костяной насад, размером 4,3 см. Многие типы наконечников аналогичны наконечникам, распространенным в монгольское время на территории Центральной Азии и Южной Сибири. При этом, костяные наконечники в это время встречаются на территории Забайкалья, преимущественно в памятниках ундугунской культуры (Кириллов, 1983: 128).

Таблица 1

Следы погребальной практики по материалам могильника Ундугун

№ пп погр.	Формы кладки	Внутримог. конструкция			Жертвенная кость		Ориентация могильной ямы и умершего	Положение скелета	Глубина М/Я (см)
		колода	колода-лодка	без констр.	От умершего				
					справа	слева			
1	Овальная	-	+	-	По центру	-	По линии север-северо-восток – юго-юго-запад	Не в анатомическом положении, череп отсутствует	105
2	Округлая	+	-	-	-	-	По линии север-северо-восток – юго-юго-запад	Не в анатомическом положении	95
3	Овальная	+	-	-	По центру	-	Головой на север-северо-восток	В вытянутом положении на спине, ноги сведены вместе, кисти рук помещены на таз	75
4	Вытянуто-овальная	+	-	-	-	По центру	Головой на север-северо-восток	Большая часть костей перемешана	75
5	Вытянуто-овальная	-	+	-	-	-	По линии север-северо-восток – юго-юго-запад	Сохранился только раздавленный череп	60
6	Округлая кольцевидная	+	-	-	В верхней части	-	Ориентир. на север	Анатомия не нарушена, кроме костей рук и отсутствующего черепа	60
7	Овальная	-	+	-	В северной части		По линии север-юг	Кенотаф	?
8	Овальная кольцевидная	+	-	-	-	-	По линии север-юг	Не в анатомической последовательности	70
9	Овальная	+	-	-	-	По центру	По линии север-северо-восток – юго-юго-запад	Не в анатомической последовательности	60
10	Округлая кольцевидная	+	-	-	-	-	По линии север-северо-восток – юго-юго-запад	Не в анатомической последовательности	105
11	Овальная	+	-	-	-	-	По линии север-юг	Не в анатомической последовательности	105
12	Округлая	-	-	+	-	-	По линии север-юг	Не в анатомической последовательности	100
13	Округлая кольцевидная	-	+	-	-	-	Головой на северо-восток	Анатомия не нарушена, смещены только лучевые кости	125

Наконечники стрел хранились в берестяных колчанах, которые изготавливались из слоя бересты, закрученного рукавом. Некоторые колчаны были укреплены по краям накладными орнаментированными пластинами, изготовленными из кости. Колчаны

носились на поясе при помощи железных крюков двух видов – щитковых и проволочных. Стрелы в колчанах хранились наконечниками вверх, а для заточки их использовались напильники, найденные в погребениях №№ 1, 2, 6 и 10.

Таблица 2

Погребальный инвентарь могильника Ундугун

№ п/п погреб.	Наконечники стрел		Изделия из железа	Изделия из бронзы	Изделия из кости
	железные	костяные			
1	3	4	Колчанный крюк, фрагмент напильника, удила, крючок	–	Острие из рога косули
2	–	–	Удила, фрагмент напильника, фрагменты железа	–	–
3	–	4	Фрагменты железа	–	Две поделки подпрямоугольной формы, костяной стержень с отверстием на ручке, шиловидное изделие
4	1	4	Удила, пластина	–	Подвеска
5	–	–	Кресало	–	–
6	4	2	Стремя, удила, пластинки с заклепками, колчанный крюк, скобы, фрагменты напильника, пластина с остатками золотой инкрустации	Две фигурные бляшки, изделия из тонкого листа бронзы (2 шт.), браслет	Орнаментированные накладные пластинки
7	–	–	Два пробоя, фрагмент ножа (?), фрагменты ножниц	Зеркало	–
8	4	2	Четыре пробоя, стремяна, скоба, накладная пластина	Орнаментированная пластина	Резные накладки, шиловидное изделие, плоское кольцо с отверстием, обоймицы, костяная язычковая пряжка, два орнаментированных тренчика, поделка
9	–	–	Крючок, фрагменты ножниц	Круглая орнаментированная бляшка	–
10	5	3	Удила, пряжка фрагмент кольца, напильник, нож	Орнаментированная поделка из тонкого листа, три «шумящих» подвески	Пряжка, фрагменты накладок на лук
11	3	6	Удила, фрагменты ножа	Полоски бронзы и «шумящие» подвески	Две бляшки
12	–	–	Язычок от пряжки, фрагмент ножа	–	–
13	–	–	Ножницы	Фрагмент серьги	–

К предметам конского снаряжения относятся удила, стремяна, торока и пряжки от ремней. В шести погребениях (№№ 1, 2, 4, 6, 10 и 11) найдены удила. Они двусоставные, с равными грызлами и кольчатыми псалями. В погребениях №№ 6 и 8 найдены железные стремяна с широкой подножкой, арочными дужками и прямоугольной петлей. В погребениях №№ 7 и 8 зафиксированы железные торока – кольца округлой формы с продетыми через них пробоями, крепившиеся к седлу. Ременные пряжки и накладки, принадлежащие снаряжению коня, представлены разными формами и размерами и выполнены из кости, бронзы и железа.

Среди предметов быта и украшений следует отметить железные однолезвийные ножи, фрагменты ножниц, шиловидное изделие с отверстием, предназначенное для продергивания шнурков, а также острия из рога косули. Широко представлены костяные поясные бляхи различных форм и орнаментаций: квадратные и круглые, с овальной петелькой-дужкой, бляшки-обоймицы без петель, и т.д. Одна такая бляха была, очевидно, изготовлена из ребра крупного животного, имела прямоугольную форму с овальными ушками и подвижным язычком-замком. Бляха была орнаментирована квадратными розетками, в центре которых помещались узоры, похожие на цветки с четырьмя лепестками, а по краям шли треугольники с квадратной штриховкой внутри. В погребении №7 было найдено бронзовое зеркало диаметром 8 см, с шишечкой-петлей на обратной стороне. Орнамент зеркала не четкий и размытый. По мнению И.И. Кириллова, на нем изображены цветки водяного каштана и мальвы, а также слабо различимые фигурки сышен – божеств четырех стран света (1983: 135). В погребениях № 10 и № 11 обнаружены «шумящие» подвески; в погребении № 6 - бронзовый браслет, а в погребении № 13 фрагмент бронзовой серьги. Обобщенные данные по вещевому комплексу из ундугунских погребений показаны в таблице №2.

Материалы могильника Ундугун позволяют говорить о том, что население оставившее данный памятник, впитало в себя многие элементы предшествующих культур этого региона, заложив основу материальной и духовной культуры более поздних забайкальских народов, среди которых, несомненно, были племена «конных эвенков», а может быть и восточных бурят, - потомков, разгромленных Чингизханом меркитов.

Список источников и литературы

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 123-138.

Ковычев Е.В., Номоконов А.А. Могильник «лесных монголов» у села Новотроицк // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. - Вып. 3. - Т 2. – С. 368-374.

М.А. Корусенко¹, А.В. Полеводов²

Россия, Омск, ¹филиал Института археологии и этнографии СО РАН, государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Комплексный научно-исследовательский отдел региональных проблем Омского научного центра СО РАН;

²Национальный археологический и природный парк «Батаково»
НЕКРОСФЕРА РИТУАЛА: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ³

Abstract

This article introduces the notion “the ritual necrosphere”. The article discusses the research of burial rites and mounds in ethnography and the traces of burial practices in the studies of burial memorials in archeology. The following elements in the structure of the notion are singled out: action, rite, ritual, tradition. The article considers the heuristic possibilities of the notion “the ritual necrosphere” for building the conceptual framework of the integrated archeological – ethnographical studies.

Настоящая работа продолжает серию публикаций авторов, посвященную становлению понятийного аппарата археолого-этнографических реконструкций (см. Корусенко, Полеводов 2010а, 2010б, 2011, 2012а, 2012б). На XV Западно-сибирском археолого-этнографическом совещании, в г. Томске, нами была высказана мысль о